

ЧЕЛОВЕК ИЗ МИРА ТЕНЕЙ

Когда я шла на встречу со старейшим актером Театра теней Андреем Михайловичем НОВИКОВЫМ, которому в мае исполняется 85 лет, я ожидала увидеть человека, ответствующего своему возрасту. Ожидания мои не оправдались. Более того. Не люблю громких фраз, но иначе не скажешь — Андрей Михайлович меня поразил. Удивительная четкость дикции, глубокий ясный трезвый ум, точные оценки происходящему ныне и происходившему ранее, благородство манер истинного интеллигента, сила духа, прекрасная память... Это человек, которому, безусловно, верить.

Таких людей немало осталось в России.

— Сколько лет вы в театре?

— В декабре этого года исполнится ровно 50 лет, как я работаю в Театре теней. Я — старший актер этого театра.

— Расскажите, пожалуйста, о своей жизни.

— Я родился в Москве в 1910 г. Коренной москвич в четвертом поколении. Учился в советской трудовой школе — так они раньше назывались. Отец — бухгалтер, мать — домохозяйка, так как нас, детей, было четверо. Самое тяжелое время было с 1918 по 1921 гг. Я хорошо помню ужасы тех лет — голод, холод. Бог знает что мы ели. С 1927 по 1929 гг. я учился на Высших литературных курсах, которые в 1929 г. закрыли по политическим мотивам. Затем поступил в театральномызыкальное училище им. Глазунова. Учился там на вокальном отделении. У меня был неплохой баритон. Учился у прекрасных преподавателей — А.А. Боссе, Веры Николаевны Петровой-Званцовой (это была московская знаменитость, она гремела с 1903 по 1918 гг.), М.И. Степанова (режиссер театра Станиславского), немного у Завадского. Учился всего 2 года.

В конце 1934 г. меня арестовали, и я получил по 58 ст. 5 лет (за нежелательные разговоры), которые пробыл в Ухто-Печорском лагере в Коми АССР. Считаю, что счастливо отделался. В конце моего пребывания в лагере начался период, когда стали выпускать, и я пробыл там только положенные 5 лет. К тому же в эти годы еще не было зверств, они начались позже. Следующие 2 года я провел в качестве бесправной личности, ибо мне было запрещено появляться в 72 городах СССР. Поэтому я вначале поселился в Новочеркасске, а затем в Егорьевске. Потом, когда из Егорьевска стали выгонять репрессированных, я уехал в Завидово Калининской области. Тут началась война, и через 3 недели меня призвали в армию. Я прослужил с 13 июля 1941 г. по ноябрь 1945-го. После войны уже на законном основа-

нии вернулся в Москву, так как в армии мне, по инициативе командования, была снята судимость. А в 1957 г. получил реабилитацию.

В 1945 г. мне было уже 35 лет и по возрасту я уже не мог никуда поступить. Поэтому начал заниматься вокалом в музыкальной школе.

В Театр теней пришел в декабре 1945 г. Меня взяли в качестве певца. А затем, через некоторое время стал актером театра. Тут и прошла вся моя жизнь.

— Сколько спектаклей вы играли в театре?

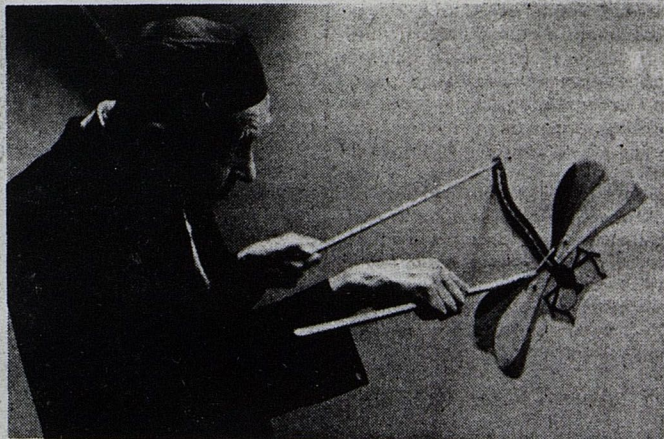
— Начиная с 1991 г., я уже мало играю. Сейчас занят в одном спектакле — «Цирк моего детства». А до это-

всех театров. Мы стали лауреатами I степени. Я тоже получил I премию.

Очень люблю роль Ясика и, особенно, элегантного кота Луидора в спектакле Н. Герней «Пятак и пятачок». Он шел у нас 20 лет.

— Почему вы всю жизнь работали в Театре теней?

— Когда я впервые пришел в театр, как вокалист, то попал на спектакль «Сказки Пушкина». И когда увидел на экране неподвижные тени, которые начали вдруг двигаться, — был совершенно поражен. И в особенности — появлением Шемаханской царицы, это зрелище волшебное, полное странного, неземного очарования. И когда

го времени я сыграл почти во всех спектаклях. Недавно стал подсчитывать количество сыгранных ролей, но еще не дошел до конца, а уже получилось более ста. По нашим условиям, надо было в каждом спектакле играть по несколько ролей, это принято в кукольных театрах. Так, например, в спектакле «Три толстяка», я играл: Проспера, Тибула, Раз-два-триса и одного из толстяков. В спектакле «Пятак и пятачок» — Ясика и кота Луидора. Я вообще очень люблю, когда надо играть несколько ролей. Это очень интересно — абсолютно разные характеры и в голосе, и в манере.

Количество спектаклей я не подсчитывал, но их было немало. На каждого актера выпадало по 26 спектаклей в месяц.

— Ваша самая любимая роль?

— Одна из таких — Ашик-Кериб (инсценированная одноименная сказка Лермонтова). Кстати, за этот спектакль наш театр получил лауреатство. И я тоже. К 40-летию Советской власти был удостоен. Всесоюзный фестиваль

потом выяснилось, что нужны актеры-мужчины, я, не думая, согласился. Так всю свою жизнь провел здесь. Менять Театр теней на другой я не хотел ни за что, хотя мог перейти, скажем, в кукольный театр. Теневый театр не похож ни на драматический, ни на кукольный, ни на кино, ни на мультфильмы.

Тени, особенно черные, будят воображение у зрителей, которые догадываются и домысливают очень много, хотя видят только общий контур.

Театр теней — это прекрасный призрачный мир, мир фантазии и грез...

— Какая атмосфера в вашем театре? Довольны ли вы ею?

— Был период, когда не все было благополучно, но это все давно утряслось и прошло.

Когда я только пришел сюда, то застал очень сильный состав. Долгое время у нас были сильный директор — Софья Андреевна Свободина и очень талантливая, необыкновенно работоспособная художница Екатерина Михайловна Зонненштраль. Царила творческая, интеллигентная атмосфера. Многие уже ушли, мно-

гие умерли. Из старшего поколения, кроме меня, осталась еще актриса, которая проработала в театре 35 лет. Но в какой-то мере прежняя атмосфера сохранилась. Театр пытается поддерживать традиции.

— Как вы относитесь к современной жизни? Повлияла ли она на вашу жизнь, мировоззрение?

— Не особенно. Мое мировоззрение, собственно, формировалось в лагере, где мы давали оценку всему, что происходило.

Что до современной жизни, то я рад, что сейчас можно свободно писать, говорить. Это положительная черта. Есть, к сожалению, и отрицательные. В России сейчас идет пережест, когда на какие-то моменты совсем не надо бы делать акцент. Есть вещи, которые непонятны, например, эротические фильмы. Мне они чужды, хотя это, наверное, кого-то греет. Борис Моисеев «выдвигается» — с моей точки зрения, это не искусство. Или Виктюк с его «Служанками». Ну, зачем мужчины играют такие роли — с кривлянием, с изломанностью? Я страстно люблю классическую музыку — хожу на концерты, слушаю пластинки. Но никак не пойму нашу российскую поп-музыку. Когда певец в вычурной одежде выходит и кричит — это не имеет никакого отношения к пению. Но, вероятно, я уже в силу своего возрастного ограничения не могу воспринять нового.

— Что вы можете пожелать читателям «Измайловского вестника»?

— Желаю всем нам, чтобы скорее наступила стабильность, чтобы люди не дрожали за будущее. Очень не хватает стабильности и спокойствия. Но, впрочем, и сейчас есть вещи, которые греют. На днях ходил в музей храма Христа Спасителя. Оттуда окна выходят на стройку. Какое невероятное строительство! Это совсем не тот тонус, не тот градус, который царит на наших обычных стройках. Все кипит. На этой колоссальной площадке находится колоссальное количество строителей. Меня это поразило. Я давно не видел ничего подобного.

Или, например, открылся музей частных коллекций. Это помещение, отвоєванное у Автоэкспорта (!), великолепно отремонтировано, с колоссальным количеством картин.

Теперешний период, который переживает Россия, — переходный, все со временем утрясется наверняка: Выкрики типа «Россию продали!», «Россия погубили!» — чепуха. Я твердо верю, что Россия по-настоящему возродится.

Вера Орлова

98